

Наталья
Александрова

Наталья Александрова

Шаг над пропастью

Издательство АСТ
МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А46

Оформление *Анастасии Орловой*

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Ранее книга издавалась под названием «Венец Чингисхана»

Александрова, Наталья.

А46 Шаг над пропастью : [роман] / Наталья Александрова. — Москва : Издательство АСТ, 2018. — 320 с. — (Роковой артефакт).

ISBN 978-5-17-111584-5

Раз в четыреста лет пять великих светил складываются в священный символ пентаграммы. Наступают удивительные дни, когда может открыться доступ к венцу Чингисхана — всеильному артефакту, обладающему необыкновенной властью и позволяющему повелевать целыми народами. Много веков венец хранился в неизвестности, но теперь он должен выйти из тьмы, и тот, в чьи руки он попадет, получит небывалую в истории власть над миром.

В поиски артефакта мистическим образом оказалась втянута сотрудница отдела рекламы Дина Гузеева, ведь именно она — ключ к венцу, и только ей откроется древнее сокровище...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-111584-5

© Н. Александрова, 2018
© ООО «Издательство АСТ», 2018

— Ну, не знаю. — Крупный холеный мужчина в дорогом итальянском костюме медленно шел по залу художественной галереи, разглядывая развешанные по стенам картины. — По-моему, ничего особенного... депрессию вызывают...

— Вы не правы, Илья Ильич, — щебетала сопровождавшая его женщина лет сорока, типичная старая дева с искусствоведческим образованием, худосочная особа в длинной коричневой юбке и льняной кофте, с унылым и многозначительным лицом. — Это новое слово в искусстве! Демонический символизм — это направление, за которым будущее...

Мужчина недовольно поморщился и бросил взгляд на картины. Мрачные краски, багровые и пурпурные тона нагоняли на него тоску и неуверенность. На каждом полотне словно лежала печать близкой гибели и разрушения. Да и темы картин были под стать колориту — мрачные руины, полуразрушенные здания, быстро зарастающие колючим кустарником, буйными побегами незнакомых растений. И из каждого угла выглядывали какие-то хищные существа, то ли звери, то ли демоны. Все это было выписано грубыми, резкими, неаккуратными мазками, как

будто художник куда-то спешил или не придавал значения тщательности и законченности рисунка.

— Его выставка с успехом прошла в Лондоне, — вещала старая дева, подчеркивая свои слова широкими жестами рук, унизанных многочисленными серебряными перстнями и браслетами. — Его картины покупают ведущие музеи Европы...

Мужчина недовольно морщился, и она добавила последний, убийственный аргумент:

— Несколько его картин купил Белобородов!

— Ну, не знаю... — повторил Илья Ильич. — Мне больше нравится, когда картины тщательно выписаны... и потом, я люблю пожизнерадостнее... в жизни и без того хватает негатива...

— Пожизнерадостнее?! — возмущенно воскликнула женщина, как будто ее спутник сказал что-то неприличное. — Его картины выделяются именно своим мрачным своеобразием! Именно за это их и ценят знатоки! А то, как они выписаны... хочу вам напомнить, что Алоиз — слепой! Одно это делает его уникальным явлением искусства! Вы только вдумайтесь — слепой художник! Такого не было нигде и никогда!

— Как-то я в это не могу поверить... — тоскливо протянул мужчина. — Слепой художник! Как такое может быть?

— Это уникально! — воскликнула искусствоведа. — Это необычайно! В это никто не может поверить, поэтому вы должны увидеть Алоиза собственными глазами! Сами знаете, лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать...

Она толкнула дверь и пропустила своего спутника в соседнюю комнату.

Там было темно, Илье Ильичу отчего-то подумалось — темно, как в могиле. Женщина щелкнула выключателем, под потолком вспыхнул яркий свет, и стал виден стоящий перед мольбертом невысокий худощавый человек с длинными, вьющимися, черными как смоль волосами. В руках его были кисть и палитра. Художник быстро, резко коснулся кистью холста, нанес яркий мазок, как будто ударил холст шпагой, и на холсте появилось кроваво-красное пятно, словно кровоточащая рана.

В следующую секунду художник повернулся к двери. На нем были круглые черные очки, какие обычно носят слепые.

— Кто здесь? — спросил он неожиданно звучным, выразительным голосом.

— Это я, Ирина! — ответила старая дева. — Я привела Илью Ильича... я рассказывала о нем, Алоиз...

— Ах да! — Художник повернулся к холсту, нанес еще один удар кистью, еще одну кровавую рану. — Что ж, смотрите сколько угодно, вы мне ничуть не мешаете...

Он наносил на холст мазок за мазком — и картина постепенно оживала, наполнялась мрачной, грозной мощью.

«Жулик, — подумал Илья Ильич, — определенно жулик. Хочет меня на деньги развести. Никакой он не слепой, обыкновенный жулик... все они такие...»

— Я чувствую ваши сомнения, — проговорил художник, словно и впрямь прочитал мысли посетителя. — Что ж, я вполне могу вас понять. Сейчас вокруг развелось так много непорядочных людей, что многие перестали верить даже в очевидное.

Он положил кисти и палитру, повернулся к гостям и снял черные очки.

Илья Ильич почувствовал легкое головокружение.

У художника было удивительно бледное лицо с каким-то необычным желтоватым оттенком. И на этом лице выделялись узкие, вытянутые к вискам глаза без зрачка и радужки — два незрячих белесых провала, два мутных полупрозрачных камня.

Илья Ильич попятился — незрячие глаза художника заглянули прямо в его душу, нашли там все его слабости и пороки, все его забытые детские страхи, вывернули его наизнанку, как застиранную рубашку. Илью словно затянуло в темный водоворот, понесло по быстрой ночной реке, пахнущей мертвыми цветами...

Он потерял самого себя, растворился в темной воде, его душу охватила тяжкая безысходная тоска. Казалось, еще мгновение — и его вообще не станет...

Но тут его выбросило волной на берег, и Илья Ильич осознал себя стоящим в просторной комнате позади художественной галереи.

Перед ним находился человек в круглых черных очках, с кистью и палитрой в руках.

— Да... — проговорил Илья Ильич неуверенно, чтобы только не молчать, чтобы убедиться, что голос ему подчиняется. — Да... мне нравится... я куплю у вас несколько картин...

Художник ничего ему не ответил, он снова углубился в работу.

Зато Ирина оживилась, подхватила Илью за локоть и повела к выходу, оживленно щебеча:

— Замечательно! Это верное решение! Кроме всего прочего, картины Алоиза — это замечательное вложение средств, прекрасная инвестиция! Со временем они будут только дорожать...

Она вывела спутника на крыльцо галереи, проследила, как он сел в свой «Мерседес», и вернулась в комнату Алоиза.

Тот отбросил кисть и повернулся.

— Ну как? — спросил с интересом.

— Как всегда, блестяще! — воскликнула Ирина восторженно. — Он наш! Впрочем, я в этом ничуть не сомневалась... твоя сила растет день ото дня, ей никто не может противиться...

— Легкий случай. — Художник небрежно взмахнул рукой. — Но есть кое-что, о чем мы должны поговорить. Адепты уже собрались?

— Да, они здесь, ждут тебя!

Алоиз сбросил перепачканную краской рубаху, оставшись в черной шелковой водолазке и узких черных брюках, вытер руки смоченным растворителем тампоном и уверенно, как зрячий, подошел к двери, скрытой за японской бамбуковой ширмой. Ирина последовала за ним.

Соседняя комната была обставлена с мрачной, фантастической роскошью. Черные стены покрывала роспись — удивительные золотые цветы переплетались, как будто боролись друг с другом за место под солнцем, под черным солнцем вечной ночи. Потолок тоже был черным, но он был густо усеян крошечными золотыми светильниками, повторяющими карту звездного неба. По стенам стояли золоченые кресла, обитые черным шелком, а в центре возвышался трон с высокой золотой спинкой, украшенной

кровоаво-красными камнями. Перед этим тронем стоял небольшой алтарь из полированного черного камня.

Все кресла, кроме одного, были заняты — в них сидели на первый взгляд обыкновенные мужчины и женщины, старые и молодые. Их объединяли только черные шелковые шейные платки.

Ирина села в последнее свободное кресло, Алоиз опустил на трон с золотой спинкой, поднял руки, приветствуя присутствующих, проговорил своим удивительным голосом:

— Здравствуйте, мои верные спутники! Приветствую вас на том пути, который приведет нас к власти и могуществу!

— Здравствуй, Алоиз, наш предводитель! — выдохнули остальные, как один человек.

— Я чувствую, что-то происходит, — продолжил Алоиз озабоченно. — Проснулись какие-то древние силы. Это может быть опасно... хотя, возможно, это только ускорит нашу победу. Соберите силы, адепты, мы проведем обряд...

Ученики Алоиза зашевелились, взволнованно зашептались, взялись за руки, создавая живую цепь, и снова в комнате наступила дрожащая, наэлектризованная тишина, наполненная ожиданием. Алоиз взмахнул рукой, и на алтаре перед ним появилась коническая кучка зеленого кристаллического порошка. Он снова взмахнул рукой — и порошок загорелся тусклым зеленоватым пламенем, и тут же по комнате поплыл дрожащий зеленоватый туман, распространился сладковатый волнующий запах, запах ночной реки, запах мертвых цветов.

И тогда Алоиз снял свои очки и оглядел присутствующих узкими незрячими глазами, похожими на два полупрозрачных зеленоватых камня, два нефрита, две большие персидские бирюзы.

Черный потолок комнаты пришел в движение, золотые звезды, мерцая и переливаясь, заструились в фантастическом танце, заплясали под неслышную музыку, под музыку сфер. Они сплетались в замысловатые узоры, закручивались темными спиралями, драгоценными мерцающими кольцами. Ученики Алоиза закрыли глаза, запрокинули головы, забормотали что-то нечленораздельное, на их лицах проступила печать священного безумия. В едином порыве они вскинули к потолку сцепленные руки — и в ту же секунду все прекратилось: рассеялся зеленоватый туман, исчез сладковатый волнующий запах, и звезды на потолке прекратили свой танец, замерли в новом, незнакомом узоре.

Ученики Алоиза открыли глаза, они взволнованно переглядывались, перешептывались, вспоминая недавние видения. А сам художник снял черные очки, запрокинул голову и уставился незрячими глазами на потолок, на новый узор звезд.

Ученики мгновенно затихли: они ждали, что он заговорит.

И он заговорил:

— Меркурий посетил дом Ганимеда... Полярная звезда в третьей четверти... Волопас убывает, а Волосы Вероники на подъеме... Туманность Андромеды поменяла свой узор... Пять великих светил сложились в священный символ пентаграммы. Это случается раз в четыреста лет. Наступают удивительные дни, когда может открыться доступ к источ-

нику великой силы, к священному артефакту моего далекого предка. Мы не должны пропустить этот момент. Я получу священный артефакт, чего бы это ни стоило.

Алоиз замолчал ненадолго, словно вглядываясь в звездный узор своими незрячими глазами. На его смугло-желтое лицо набежала легкая тень, и он добавил значительно тише:

— Одно только смущает меня... Альфа Денеба выбивается из общей картины. Есть какая-то сила, которая может мне помешать. Есть какой-то человек... женщина... и от нее многое зависит. Слишком многое. Без нее... впрочем, это не важно. Наоборот, это даже хорошо — мы используем ее, она станет нашим орудием.

Алоиз взмахнул рукой, словно поставил точку, и опустил незрячие глаза, обвел ими своих притихших учеников, проговорил с оттенком усталости и раздражения:

— Все свободны. Позднее я свяжусь с теми, кто мне понадобится. Я сам сообщу вам о новой встрече.

Ученики послушно разошлись, покинули галерею. Только Ирина задержалась, подошла к Алоизу и озабоченно спросила его:

— Я чувствую, что тебя что-то беспокоит. Все не так просто, как ты сказал остальным?

— Брунда! — Алоиз поморщился. — Эта женщина... от нее действительно очень многое зависит. Без нее не удастся получить доступ к артефакту. Но мы с ней справимся, она станет нашим орудием. Нашим послушным орудием.

...На этот раз я просыпалась медленно, словно каждая клеточка моего тела ждала своей очереди. Вот ушел сон, и уши обрели способность слышать. Хотя слышать было нечего, вокруг стояла глубокая, вязкая тишина, как под водой. Одновременно я ощутила холод в правой руке. Не открывая глаз, я подвигала локтем. Вроде бы помогло, но теперь руку что-то немилосердно кусало и колело. Я попыталась повернуться, и тут же в уши врезался жуткий скрип.

Голова мгновенно взорвалась резкой болью. Но, как ни странно, от этой боли в ней, в моей больной несчастной голове, несколько прояснилось. И я поняла, что, как ни откладывай неприятное дело, его придется выполнить, а именно: нужно открыть глаза. Я полежала еще немного, собираясь с духом, и наконец приоткрыла глаза. И тут же с глухим стоном закрыла их снова.

Ничего не изменилось за ночь. Я нахожусь все там же — в ужасной комнате, оклеенной жуткими обоями в розовый цветочек, с окном без занавесок и с железной дверью. С первого взгляда кажется, что дверь выходит прямо на улицу, но нет, в последние несколько дней я поняла, для чего прежние жильцы поставили именно такую дверь, а не обычную, межкомнатную.

Не открывая глаз, я села на кровати, которая снова издала жуткий ревматический скрип. Потому что это не обычная деревянная кровать, а старое железное чудовище, с пружинами, которые невыносимо скрипят, когда чуть двинешься. Лет пятьдесят назад школьники сдавали такое в металлолом. В комнате вообще нет никакой мебели, только несколько картонных коробок с остатками моих вещей,

да еще старая табуретка, которую мне дала дворничиха тетя Люся — добрая душа.

Что ж, дальше тянуть нельзя. И я решительно открыла глаза.

По выражению ослика Иа-Иа, и тут ничуть не лучше. Я ощупала руками лицо, потом плечи. Вроде бы все цело. Что ж, нужно начинать новый день. Еще один день в чередке таких же отвратительных дней, которые выдаются у меня в последние три месяца.

Хотя, видит Бог, совершенно не понимаю, зачем его начинать. Не лучше ли оставить все как есть, накрыться с головой колючим, пахнущим нищетой и дезинфекцией одеялом и лежать, лежать...

М-да-а... человек может четырнадцать дней жить без еды. И два дня без воды. А мне уже сейчас хочется пить. А еще умыться и все такое прочее. И ничего тут не поделаешь, придется вылезать из окопа.

Я натянула старые спортивные штаны и майку, затем подошла к двери и прислушалась. Тишина — как в могиле.

Я осторожно повернула ключ в двери и высунула голову в коридор.

«Мамай прошел!» — говорит та же дворничиха тетя Люся, и в данном случае я с ней совершенно согласна.

Коридор в этой квартире длинный и узкий — «кишкой», как говорят, в него выходят двери комнат и туалета. А в ванную вход из кухни. Ничего странного, дом старый, ванну поставили уже потом, для этого отгородили кусок кухни.

Линолеум возле моей двери был весь изрезан ножом. Вешалка, на которой болталось всякое барахло

(не найдется таких идиотов, которые станут оставлять приличную одежду в коммунальном коридоре), сейчас валялась на полу, и бебехи там же. На вытертом донельзя коврик у входной двери было разлито что-то липкое и вонючее. Моя собственная дверь тоже была вымазана этой подозрительной субстанцией.

Злость заглушили другие эмоции и желания — хотелось пить, есть и вымыться хотя бы холодной водой. Поэтому я осторожно сделала несколько шагов по коридору в сторону туалета.

В квартире по-прежнему стояла могильная тишина. Но я — стреляный воробей, меня на такой мякине не проведешь. Однако все обошлось, теперь посетим кухню с целью обнаружения чайника.

Кухня напоминала пейзаж после битвы. Все шкафы раскрыты и разломаны, вилка холодильника с мясом выдрана из сети, и сам холодильник валяется на боку. Только чугунная газовая плита, поставленная примерно году в пятьдесят втором (я так думаю, но может, и раньше), стоит на прежнем месте целая и неповрежденная — умели раньше делать вещи, ничего не скажешь!

На полу валяются кастрюли, ножи, вилки и осколки посуды. И моя единственная чашка, теперь без ручки. На плите грелся большой закопченный чайник. Что ж, очень кстати, сейчас приму душ и выпью растворимого кофе, это бодрит.

Я сунулась в ванную и застыла на месте.

Двери ванной комнаты не было. То есть она была, но сорванная с петель и изрубленная топором едва ли не в щепки. Остатки стояли рядом, прислоненные к стене.